

Глава 32. Ночь напролёт

Белый мягкий комочек наклонил голову набок и уставился на Фу Линцзюня своими большими влажными глазами.

— Иу-у...

Прежде весёлый детский голосок чуть сник и превратился в обиженное поскуливание.

Пушистая лапка осторожно коснулась его сапога, потом ещё раз. Коснулась — и тут же подняла глаза, будто украдкой проверяя его реакцию. В этом движении было и испытание, и попытка подлизаться.

Он очень хотел подойти. И в этой поспешности сквозили тоска и недоумение, будто зверёк спрашивал, почему тот вдруг перестал его любить, и жаловался на свою обиду. Но даже так, даже с той лёгкой синевой, проступившей в белоснежной душе, маленький беспечный комочек всё равно тянулся к нему.

У Фу Линцзюня в душе сейчас царил полный разлад.

Он никогда не думал, что станет так сильно зависеть от настроения какого-то маленького зверька. Какая, в сущности, разница, рад тот или нет? У зверька и ума-то немного: погрустит минутку и снова счастлив. Он целыми днями только ест да спит, а всё мирское его совершенно не касается.

И всё же его это задевало. Задевало, что без кости судьбы пушистый комочек долго не проживёт. Задевало, что тот соглашался есть только рыбу, которой кормил его Сян Син. Задевало, боится ли он его так же, как остальные живые существа. И задевала эта тоскливая душа сейчас, когда он сам не пустил его к себе.

Этот комочек так бесцеремонно ворвался в его мир, пустил там корни и пророс там, где ему изначально не было места.

Белый пушистик снова перекатился у его ног и тихонько заскулил. Пальцы Фу Линцзюня дрогнули. Ему нестерпимо захотелось поднять его на руки.

Но Цзян Тан устал. Может, потому, что в последнее время он отъелся, а может, просто обленился. Раньше ещё мог и пятьдесят раз перекувырнуться, и сто раз подряд полезть целоваться и тереться. А сегодня немного попридуривался ради умиления — и уже вымотался.

Ладно уж. Надо же дать серьёзно занятому злодейскому боссу право на его мужские критические дни. Фу Линцзюнь ведь не перестал его кормить. Просто когда у него есть настроение, гладит, а когда нет, велит не лезть. Вполне обычное дело.

У заурядного офисного планктона двадцать первого века выдающихся талантов не было, зато он прекрасно умел улавливать чужое настроение и быстро приспосабливаться. Выполнив на сегодня свою норму потеряться и подлизаться, Цзян Тан цок-цок-цок побежал обратно к ногам Сян Сина.

— Иу-у.

Он наелся мяса до одури и теперь хотел чего-нибудь кисленького, чтобы перебить жирность.

Сян Син, обвешанный духовными фруктами, сахарными фигурками, цукатами, пирожными и ещё чашкой нежного доухуа, достал из-за пазухи зелёный духовный плод и протянул его Цзян Тану.

Этот зелёный плод назывался цинлинго. В этом мире он был редкостью: по вкусу сладко-кислый, чем-то напоминал боярышник. Первый укус слегка кислил, но потом оторваться было невозможно. Да и жирность он снимал просто великолепно: стоило съесть один, и желудок тут же начинал работать быстрее, так что вскоре хотелось снова набить брюхо.

Собравшись худеть, Цзян Тан в итоге просто перешёл на десерт после еды и безжалостно отодвинул на второй план почерневшего лицом босса.

В области Цянькунь было трудно найти пышных колосков собачьего хвоста. Поэтому, гуляя по рынку, Сян Син купил для Цзян Тана несколько кузнечиков, сплетённых из травы, чтобы его развлекать. Цзян Тан и правда всё больше жил по-собачьи: стоило только помахать перед ним какой-нибудь новой забавной штучкой, как лапы тут же чесались прижать её к земле.

Так человек и собака долго сидели у двери комнаты и играли. Никто и не заметил, что великий босс смотрел на них целую палочку благовоний, прежде чем вернуться в комнату и снова взвалить на себя тяжкий труд двигать сюжет вперёд.

Фу Линцзюнь, мужчина, считавший, что на первом месте всегда должно стоять дело, закрылся в комнате один. Картинки на водяном зеркале сменяли одна другую, а взгляд его всё это время упирался в чашку рядом.

Это была всего лишь обычная белая фарфоровая чашка, поставленная в трактире для гостей. Ничего особо изысканного в ней не было, но Фу Линцзюнь смотрел на неё очень долго.

Из-за двери едва доносилось поскуливание маленькой белой собачки, занятой игрой.

Только тот, кто ничего не знает и ничего не чувствует, может жить без забот.

Он смотрел на белую чашку так долго, что на водяном зеркале Сун Янь уже успел расстаться с Шэн Итюэ. Потом бледный палец легко коснулся зеркала, и вся комната погрузилась во тьму.

После ужина сытый до отвала Цзян Тан с пыхтением перебирал короткими лапками и наконец добрался обратно до комнаты.

Фу Линцзюня внутри не было.

Окно было распахнуто настежь, и влажноватый ветер раннего лета свободно залетал внутрь. Полог над кроватью слегка колыхался, навевая сон.

— Иу-у...

А где красавец?

Пушистый комочек с трудом покосился на свой круглый, тугой живот.

Просчитался. За ужином он опять объелся, и теперь даже отрыжка подкатывала. Если Фу Линцзюнь сам не поможет, забраться на кровать спать будет совсем не просто.

Чистюля Цзян Тан вытер все четыре лапы лежащим у кровати полотенцем и принялся героически карабкаться наверх.

Поскольку он был не кошкой, никакой лёгкости в движениях у него не наблюдалось. Всё тельце тянуло вниз. Конечно, признавать, что он просто растолстел, Цзян Тан не собирался и всю вину тут же свалил на Фу Линцзюня. Это ведь он превратил его в маленькую белую собаку. А собаки, между прочим, по определению не особенно ловко лазают!

Когда Фу Линцзюнь вернулся, он увидел только круглую попку зверька, который изо всех сил пытался вскарабкаться на кровать. Короткий хвостик мотался из стороны в сторону. Маленькие лапы дрожали, удерживая всё тельце, а передние беспомощно царапали край постели.

С каменным лицом он подошёл, поднял комочек и поставил обратно на пол.

— Наверх нельзя.

— Иу-у...

Что это ещё значит? Бойтся, что он простыню когтями испортит? Тогда пусть сам его поднимет.

Но Фу Линцзюнь совершенно серьёзно сказал:

— Сегодня ты спишь здесь.

И указал на маленькое... логово?

Ну, допустим, логово. По сути, на пол просто бросили одеяло — и всё. Выглядело оно крайне неудобным.

— И-иу-у!

Он не собирается спать на полу!

Сяо Бай комочек пустил в ход все восемнадцать приёмов умиления у ног Фу Линцзюня, но так и не добился ни малейшей поправки. Фу Линцзюнь будто вовсе не слышал его обиженного поскуливания. Он снял обувь, лёг на кровать, повернулся на бок и демонстративно перестал смотреть на умоляющие глаза зверька.

Цзян Тан: ???

Вот это да. Значит, его и правда разлюбили? Ещё вчера спал на одной кровати, а сегодня его уже изгнали вниз.

Сам он, между прочим, ничего не натворил. Абсолютно ничего. Но, ни за что ни про что попав под раздачу, лишился своей половины постели рядом с Босс Фуом и получил вместо неё собачью лежанку, настолько примитивную, что дальше уже некуда.

— И-и...

Ну и что, возражать, что ли? Придётся мириться.

Обиженный комочек свернулся калачиком — и очень скоро уже не издавал ни звука.

Беззаботная собачонка засыпала в два счёта.

Лунный свет лился через так и не закрытое окно и покрывал спящего у кровати белого комочка мягким сиянием.

Маленький зверёк дышал совсем тихо, но Фу Линцзюнь слышал этот звук особенно отчётливо.

Он уснул.

А вот ему самому сон не шёл.

Фу Линцзюнь лежал, не смыкая глаз, и смотрел в белый полог кровати. Летний ветерок был мягким, но глубокой ночью стал заметно прохладнее. Он пролежал так почти пол-ночи, не двигаясь, а потом молча сел.

Спустя долгое время он отдёрнул полог, сел на краю постели и с холодным лицом опустил взгляд на маленькую белую собачку, распластавшуюся во сне без малейшего достоинства.

Спала она всегда чудовищно неаккуратно: рот приоткрыт, всё тельце растеклось по полу белой мягкой лепёшкой. Иногда просыпалась, а в уголке пасти ещё слюна. И этой слюной она тут же норовила вытереться либо о его руку, либо о его одежду.

Даже обернувшись человеком, спала она не лучше. Вчера в тот самый миг, когда он пришёл в себя, мягкое тело тоже полностью прижалось к нему, а губы были слегка приоткрыты. Только если у маленькой белой собачки наружу торчал забавный кончик языка, то человеческое лицо... человеческое лицо, с какой стороны ни посмотри, вызывало у него...

...слишком сильное смятение.

Лицо Фу Линцзюня стало ещё мрачнее.

Смотрел он, вообще-то, на спящую, бесформенно раскинувшуюся белую собачку. Но в голове упрямо всплывали совсем другие картины. Эта странность держала его в напряжении с самого утра и до сих пор не отпускала.

Так он и просидел у кровати всю ночь.

Может быть, во сне маленькая белая собачка снова превратится в человека. А может, и нет.

Фу Линцзюнь и сам не знал, чего именно ждёт.

Но когда лунный свет стал понемногу меркнуть, а на горизонте проступил ранний румянец рассвета, и маленькая белая собачка, спокойно проспавшая всю ночь, сонно проснулась, стёрла слюну у рта и посмотрела на него мутными глазами, в сердце Фу Линцзюня молнией скользнуло чувство вины.

С холодным лицом он натянул сапоги и быстрым шагом вышел из комнаты.

Цзян Тан, которого стоило проснуться, тут же обдали ледяным отношением: ???

Кто-нибудь может объяснить, с чего у великого босса в последнее время такой гормональный сбой? Почему он каждый день показывает ему кислую физиономию?

А потом пришло и окончательное подтверждение того, что Цзян Тан впал в немилость.

С тех пор как они покинули долину Тяньбэй, Фу Линцзюнь обычно повсюду носил Цзян Тана за пазухой. Но сегодня, выходя, он явно не собирался брать его с собой. Если бы не Сян Син, который прошёл за хозяином пару шагов, потом обернулся, увидел одинокую белую собачку и, пожалев её, послушался приказа хозяина и посадил пушистый комочек себе на плечо, тот так бы и остался один.

— Хозяин... злится.

Сян Син очень ясно ощущал настроение Фу Линцзюня, но объяснить, почему тот недоволен, не мог.

Цзян Тан понимал ещё меньше.

— Иу-у.

Все мужики такие. Не обращай внимания!

Комочек потёрся о палец здоровяка. Сперва он ещё возмущённо дулся, но потом вдруг скис и бессильно распластался у Сян Сина на ладони.

Похоже, его и правда слишком избаловали. Раз он уже осмелился в душе обижаться на великого босса.

— Иу-у.

Пойдём. А то он сейчас совсем уйдёт далеко.

Сян Син только теперь сообразил, что Фу Линцзюнь успел отойти прилично вперёд, и быстро погнался за ним.

Сегодня тоже был день, когда великий босс двигал сюжет, а Цзян Тан просто плёлся следом.

В последнее время в области Цянькунь готовились к большому событию — Битве Небесных Дарований. Принять участие могли все, кто принадлежал к бессмертным сектам, великим родам или просто культивировал в одиночку, если им было не больше двадцати пяти лет.

Это было крупнейшее состязание молодого поколения во всём мире культивации, проходившее раз в десять лет. В конце выбирали пятерых победителей — Пятёрку Небесных Дарований нынешнего турнира.

Помимо наград в виде артефактов и духовных лекарств, эти пятеро получали шанс войти во многие прославленные секты в пределах Люхэ. Это было всё равно что карпу перепрыгнуть Драконьи врата. Поэтому желающих было огромное множество.

Вот только путь Дао долог, а культиваторы моложе двадцати пяти в лучшем случае доходили лишь до ступени учеников Дао. Так что, хоть звучало всё громко, на деле подобные состязания обычно мало чем отличались от возни в песочнице.

Поэтому у больших шишек, как правило, не было особого интереса к этим разнокалиберным юнцам, торчащим кто выше, кто ниже, словно грядка молодого лука.

Но по удачному совпадению раз в несколько сотен лет всё же выдавался один турнир, больше похожий на кровавую арену. И нынешний как раз был таким.

Хотя бы потому, что в нём участвовал главный герой — Сун Цзиньяо.

В романе о культивации и возвышении путь героя никогда не обходится без жарких состязаний, внезапных пощёчин судьбе и резкого роста силы. А как лучше всего показать, насколько главный герой крут? Очень просто: выставить рядом с ним кучу эффектного пушечного мяса.

— Интересно, кто в этот раз войдёт в Пятёрку Небесных Дарований. Говорят, награды нынче особенно щедрые. Не будь я слишком стар, сам бы пошёл поглазеть.

У маленькой белой собачки тут же насторожились уши.

— Я одного человека знаю наверняка. Е Чжэнвэнь точно войдёт в пятёрку, — уверенно сказал какой-то культиватор.

— Е Чжэнвэнь? Тот самый молодой господин, из-за которого дом Е в области Фуфэн вечно стоит на ушах? Что он вообще умеет?

— Не забывай, какого он происхождения. Его с детства заливали лучшими пилюлями и лекарствами. При таком кормлении даже из дурака что-нибудь да выйдет. К тому же половину наград для Пятёрки Небесных Дарований в этот раз предоставляет секта Лянъи. Как ты думаешь, глава Янь настолько щедр, чтобы разбрасываться сокровищами ради каких-то посторонних мальчишек?

При слове «щедр» собеседник сразу осёкся:

— ...Тоже верно. Чтобы слава о бережливости главы Яня гремела на весь Люхэ, нужен, конечно, особый талант.

— Эй-эй, а я поставлю на другого. На Сун Цзиньяо из Цзэяна. Он младше Е Чжэнвэня на год, а уже почти дошёл до формирования ядра! Такая скорость культивации просто жуткая. Думаю, он вообще станет первым в этом году.

— ...Друг-даос, у тебя сведения устарели. Кто-то недавно встретил его в области Кунчань. Говорят, талант у него самый обычный, максимум ступень ученика.

— А? Почему это?

— А что, никто не собирается ставить на Ци Е?

— Ци Е? Это ещё кто?

— Человек из области Лошу. По таланту он даже превосходит прямую кровь даосского святого Ци Юаньлана. Только, говорят, он из внешнего двора, происхождение у него не ахти.

— ...

Цзян Тан сидел за пазухой у Сян Сина и на некотором расстоянии следовал за великим боссом. По крупицам сведений, которые выдавали местные NPC, он начал понемногу понимать, что именно задумал Фу Линцзюнь.

Сун Юнчжэн столько лет собирал детей с иньской природой, тратил силы, чтобы вырастить из них учеников Дао. На это уходили десятилетия. А потом выращивал партию за партией, и все они один за другим умирали на утёсе Жисы.

Сун Янь уже проговорился, что утёс Жисы когда-то был духовной областью Янь Цунси, а Цзян Чаньюань тоже приложил к нему руку. Позже, когда Цзян Чаньюань подчинил себе область Цянькунь, Янь Цунси, во-первых, презирал это место за отдалённость, а во-вторых, не хотел лишний раз возиться, так что просто бросил утёс Жисы на произвол судьбы. Со временем он снова превратился в место, где собирались демонические звери и нечисть.

И всё же даже в такое место род Сун раз за разом отправлял учеников умирать. Если тут не скрывалось никакой тайны, Цзян Тан бы в жизни не поверил.

Но даже заброшенный утёс Жисы оставался частной территорией Янь Цунси и Цзян Чаньюаня. Посторонний не смог бы открыть защитный барьер и войти туда без разрешения, если только не был их кровным родственником.

Именно поэтому Фу Линцзюнь собирался воспользоваться Битвой Небесных Дарований, чтобы стянуть к утёсу Жисы молодых людей, стоящих рядом с теми самыми даосскими святыми, что когда-то его запечатали. И ключевой фигурой среди них был именно племянник Янь Цунси — Е Чжэнвэнь.

Тут, однако, возникал ещё один вопрос.

Если Фу Линцзюнь так силён, зачем ему вообще собирать остальных? Почему бы просто не схватить Е Чжэнвэня, не притащить его туда, пустить ему кровь и самому не войти в утёс Жисы за спрятанной там тайной?

Собачонка тяжело вздохнула. Сюжет теперь ушёл от оригинала уже слишком далеко, и даже если бы ему захотелось всё проспойлерить, всё равно пришлось бы ждать, даст ли Фу Линцзюнь на это шанс. У великого босса уж точно мозгов побольше, чем у него. Всё, до чего Цзян Тан смог додуматься, тот наверняка обдумал уже давно. А если делает что-то именно так, значит, у него на то есть своя причина.

Издали показалась ещё одна процессия.

Несколько мужчин в тёмно-зелёных облегающих одеждах шли плотным строем, словно охрана при знатной особе, а в центре их окружения — юноша в фиолетовом парчовом одеянии. Серебряная корона, нефритовый пояс, роскошный вид. На поясе открыто висел первоклассный духовный меч, а за спиной следовал огромный белый тигр ростом почти с человека.

Стоило окружающим заметить бледно-голубые узоры на лбу и лапах этого тигра, как все тут же поспешно отступили в стороны.

В области Цянькунь не было второго человека, который осмелился бы вот так в открытую разгуливать по улице с серебряным морозным тигром. Пока он не поджигал дома и не убивал людей, все были вынуждены давать молодому господину Е дорогу.

Сам Е Чжэнвэнь, которого каждый встречный в душе мысленно поносил, об этом даже не подозревал. Все его мысли были сейчас заняты странным поведением тигра.

— Да Бай, у тебя опять шкура чешется, да? — Е Чжэнвэнь, увидев, как серебряный морозный тигр беспокойно крутит головой и принюхивается, сразу почувствовал подступающую головную боль.

В прошлый раз, в павильоне Шаньхай, этот непоседливый тигр чуть не сожрал питомца какого-то культиватора из соседней комнаты и получил от того человека такой удар, что серьёзно повредил внутренности. Е Чжэнвэнь потом вливал в него целую кучу лекарств, будто горсть за горстью сыпал сахарные бобы, чтобы тигр поскорее поправился.

Побывав однажды под раздачей, Да Бай вроде как поумнел и научился ходить, поджав хвост. Е Чжэнвэнь решил, что наказывать его слишком строго незачем, и сегодня снова вывел на прогулку.

Но не прошло и нескольких минут, как тигр опять начал беспокойно что-то выискивать.

— Да что ты вообще ищешь? — Е Чжэнвэнь потянул его за мягкое ухо. — Если ещё раз так себя поведёшь, посажу тебя в клетку на десять дней. И мяса не дам!

— Ау-у...

Тигр обиженно ткнулся огромной головой ему в руку.

Он и правда не нарочно. Просто этот запах был таким вкусным, таким вкусным... Он снова учуял тот самый аромат, который не давал ему покоя ни днём ни ночью. Запах белого комочка из того дня. Ошибки быть не могло. Он каждый день вспоминал о белом комочке.

У почти взрослого белого тигра из-за аромата благого зверя брачный гон начался раньше срока. Всё его тело теперь буквально вопило только об одном: он хочет спариться! Он так любит белый комочек, так хочет его целовать, обнимать, тереться об него...

О таких мелочах, как разница видов, размеров и пола, большой тигр, разумеется, не думал. Он уже с головой увяз в горячей односторонней любви. Уши его жалобно поникли, огромный нос без конца подрагивал, выискивая в людском море зверя, предназначенного ему судьбой.

И в следующий миг он действительно его нашёл.

Фу Линцзюнь не желал носить Цзян Тана на руках, поэтому тот всё время сидел у Сян Сина на плече. Как раз в этот момент он что-то увлечённо попискивал Сян Сину о том, чего хочет сегодня поесть, когда увидел, как с противоположной стороны улицы к ним, потеряв голову, несётся огромный белый тигр. За ним в панике мчался Е Чжэнвэнь, ругаясь во всё горло, а окружающие культиваторы вскрикивали от ужаса.

На этот раз, правда, тигр научился тормозить. Прямо перед Цзян Таном он резко остановился и не стал, как прежде, с налёту пугать маленький пушистый комочек.

— Ау-у!

С оскаленной пастью серебряный морозный тигр восторженно рывкнул:

— Мы опять встретились! Это судьба, правда? Точно судьба! Ты мне так нравишься!

Цзян Тан невольно отпрянул назад.

— Иу-у...

Вообще-то второй раз встречаться с тобой мне совсем не хотелось.

Большой тигр жалобно опустил голову:

— Прости, в прошлый раз я тебя напугал. Просто ты мне так сильно понравился... Если можно... я бы очень хотел с тобой спариться...

Комочек мигом распушился, будто взорвавшаяся сладкая вата:

— И-иу! Нельзя! Пошёл вон!

И тут же добавил:

— Ты не можешь найти себе тигрицу?!

Этот здоровенный тигр вообще не задумывался ни о разнице видов, ни о поле, ни о размере. У них не может быть никакого будущего. Вообще никакого!

— Ау-у... — тигр совсем приуныл. — Ты первый комочек, который мне понравился...

У Цзян Тана разболелась голова. Да что это вообще за странный любовный сценарий?

А в следующий миг его уже подхватила пара бледных рук, и он снова оказался в знакомом, тёплом объятии.

Подняв глаза в панике, он увидел, что Фу Линцзюнь, который целый день держал его на ледяном расстоянии, сейчас выглядел так мрачно, что становилось страшно.

Примечание автора:

Фу Линцзюнь: Смутно слышу, как какой-то тигр пытается увести моё прямо из-под носа.

Большой тигр на самом деле играет на руку, только очень неожиданным способом, хе-хе.

<http://bllate.org/book/17032/1604288>